

Вся площадка погрузилась в тишину.

В ушах Ци Моюня зазвучал перебор открывающихся складских ячеек: в мгновение ока общая сумма очков симпатии перевалила за миллион.

— Все эти очки были собраны Системой 996.

Ци Моюнь сообщил 996, что этого достаточно. Маленький главный герой, умеющий готовить первоклассные блюда, теперь у него на руках, а в будущем его будет в достатке. Чуть позже он просто предложит Бессмертному Почтенному Цюньюй позволить ему стать наставником мальчика.

Система 996 была жадной, но она поклялась: в этот раз, когда она, превысив полномочия своего носителя, с безумной скоростью собирала очки симпатии, она делала это вовсе не ради себя.

Она пребывала в крайнем беспокойстве: Носитель, ореол главного героя слишком силен. Нам нужно накопить огромное количество очков симпатии, чтобы вытянуть карты ослабления, иначе мы не сможем его сдерживать.

Ци Моюнь задумался: и то верно. Если вдруг возникнет ситуация, которая приведет к разрыву их отношений, он сможет воспользоваться картами ослабления и выпутаться из беды.

Его мысли были чисты, чего нельзя было сказать о 996. Главный герой, конечно, обладал иммунитетом к баффу обаяния всеобщего любимца, но кто знает наверняка?

Когда 996 увидела то, что можно было описать лишь как зацензуренное «яойное» чтиво, вся система едва не лишилась чувств.

Двое глав пиков проглотили тысячи слов, которые уже готовы были сорваться с их губ.

Малыш спал беспокойно, его ресницы мелко дрожали, а брови были сдвинуты к переносице, из-за чего крошечная киноварная точка меж ними казалась особенно жалкой.

Управляющие различных сект устремились вперед, чтобы разузнать о положении Ци Моюня. Двое глав пиков тоже поспешно протиснулись поближе. Вскоре толпа плотно окружила его.

Младшие поколения лишь восхищались его несравненным изяществом, тогда как люди постарше приняли его за Ци Ханина. Даже если они никогда не встречали его лично, то видели тот самый изумительный портрет.

— До чего же он милый, — пробормотал Ци Моюнь.

Бессмертный Почтенный Цюньюй прошел сквозь толпу, которая расступилась перед ним, и медленно приблизился к Ци Моюню, принеся с собой холодное дыхание снега и льда.

В глазах окружающих Ци Моюнь, одетый в темно-красный журавлиный плащ, изрезанный следами мечей, выглядел как человек, только что вышедший из ожесточенного боя. Его дыхание еще не выровнялось, на бледном лице выделялись покрасневшие уголки глаз и алеющая точка губ, что придавало ему невольную, порочную красоту. При этом его осанка была возвышенной, а аура — холодной, как лед, превращая его в недостижимое видение, на которое можно было лишь смотреть издали, не смея прикоснуться.

Ци Моюнь приложил указательный палец к губам, призывая их не шуметь и не тревожить Лин Уюя.

Почтенный был значительно выше ростом. Ци Моюнь поднял глаза и в ту же секунду столкнулся с его холодными серебристыми зрачками.

— Второй старший брат, ты...

Ци Моюнь лишь молча смотрел на Лин Уюя у себя на руках.

Чтобы скрыть Оковы Греха, Ци Моюнь всегда носил одежду с высоким воротом. Сейчас, будучи укутанным в многослойный журавлиный плащ и держа на руках ребенка, он не мог освободить руки, чтобы расстегнуть воротник, поэтому лишь поднял голову, жестом предлагая Бессмертному Почтенному Цюньюй помочь.

Он вырос под опекой второго старшего брата, и малейшие перемены в выражении его лица понимал лучше, чем кто-либо другой.

В тишине внезапно раздался голос Владыки Демонов. Он звучал крайне нетерпеливо:

— Се Силоу, хватит стоять столбом. Оковы Греха на шее твоего ученика уже пора снять.

Впрочем, учитывая лишь тот факт, что Ци Ханин был великим демоном, никто не осмеливался с уверенностью утверждать, что Ци Моюнь — это и есть Ци Ханин.

— Тсс, — прошипел Ци Моюнь.

Лишь спустя долгое время люди пришли в себя.

Му Сюаньгэ собирался позвать учеников, чтобы те приняли Лин Уюя, но, увидев проблеск редчайшей нежности в глазах Ци Моюня, не решился пошевелиться.

Лин Уюй полусонно открыл глаза и увидел, как воротник Ци Моюня был распахнут.

Бессмертный Почтенный Цюньюй помедлил, но все же приложил руку к его воротнику.

Даже те управляющие сект и младшие братья, что уже видели лицо Ци Моюня, вновь были поражены его красотой.

На белоснежной, как снег, длинной шее необычайно ярко выделялось кольцо красных Оков Греха. Сложные проклятые письмена были вырезаны глубоко, и по ним струилась багровая духовная сила.

Палец Почтенного скользил по ним, повторяя каждое движение линий проклятия. Там, где он проходил, духовная сила исчезала, словно гаснущее пламя.

Однако по окончании этого процесса кольцо знаков лишь слегка побледнело, но не исчезло полностью.

— Я найду способ помочь тебе избавиться от этих шрамов, — произнес Бессмертный Почтенный Цюньюй.

— Благодарю, Учитель.

Ци Моюнь лишь выразил благодарность словами — кланяться в таком положении было попросту неудобно.

Лин Уюй все еще чувствовал головокружение: в конце концов, он побывал в чужой иллюзии и растратил немало жизненных сил. В полудреме он снова уснул.

Перед глазами мелькали сцены: то болезненное выражение лица его матери в иллюзии, то бледность Ци Моюня, когда его пронзил Меч Линъюнь... Лин Уюй начал мучительно метаться, пока на его лоб не легла прохладная рука.

Лин Уюй, жажда этого холода, тут же схватился за руку обеими ладонями. Почувствовав, как рука дрогнула, он притих, и она осталась лежать на месте. Тогда он успокоился.

Во сне Лин Уюй был крепко прижат к груди Ци Моюня. Он слышал гул мечей, чувствовал тяжелый запах крови и ощущал подавляющую силу своего спасителя — стадия Дачэн.

Но когда он проснулся, то обнаружил, что уровень культивации человека, державшего его, — стадия Зарождающейся Души.

Сила Ци Цзинчжи вернулась.

Лин Уюй пребывал в замешательстве, когда услышал чей-то голос:

— Наобнимался уже? Не собираешься слезть?

Проследив за звуком, он увидел мужчину в красном, который смотрел на него с нескрываемой злостью.

Лин Уюй счел его лицо незнакомым и, окончательно растерявшись, сонно прижался еще плотнее к Ци Моюню, обхватив его шею руками.

Владыка Демонов: ...

После долгого неловкого молчания Лин Уюй наконец окончательно проснулся и запоздало слез с рук Ци Моюня. Осознав, как глупо он выглядел, он слегка покраснел, но заметил, что никто не обращает на него внимания — все столпились вокруг Ци Моюня.

Лин Уюй, вытесненный на край толпы, обхватил лицо ладонями.

Мм, кажется, щеки горят.

— Второй старший брат, прости меня, я... — глава пика Чжияюань опустил голову.

Глава пика Духовных Лекарств добавил:

— Второй старший брат, эти годы ты провел в несправедливости. Скажи, чем мы можем это компенсировать, и мы сделаем все, что ты попросишь.

Управляющий ортодоксальной секты перебил их:

— Сегодняшние события застали нас врасплох, но то, что старейшина Ци смог очистить свое имя — великое благо. Мы наконец поняли, кто был истинным спасителем мира совершенствующихся, и глубоко раскаиваемся, что позволили ввести себя в заблуждение злодеям. Чтобы искупить вину, мы приложим все усилия, чтобы отплатить старейшине Ци. Если кто-то посмеет навредить ему или обидеть его, я лично с ним разберусь.

Разве могли двое глав пиков не уловить насмешку в словах управляющего? Этот человек не только разразился такой речью, но еще и мимоходом причислил их второго старшего брата к своим.

Управляющий продолжил:

— Должность главы Пика Знаменитого Меча по праву должна принадлежать старейшине Ци, не так ли?

Му Сюаньгэ ответил:

— Прошу, не беспокойтесь, управляющий. Мой старший брат обязательно получит все, что ему причитается.

Ци Моюнь не обращал внимания на их разговор. Он шел вперед. Люди сознательно расступались, пока он не остановился прямо перед Лин Уюем.

Лин Уюй смотрел на холодные, чистые черты лица Ци Моюня, и у него на душе было беспокойно. У него было столько слов для Ци Моюня: он хотел извиниться, поблагодарить его за спасение в иллюзии, но по какой-то причине все слова застряли в горле.

Почему он не может их выговорить? Лин Уюй так разволновался, что слезы едва не брызнули из глаз.

Ци Моюнь заговорил, и его голос был подобен первому снегу:

— Лин Уюй, хочешь ли ты стать моим учеником?

Эти слова обрушились на Лин Уюя, словно удар, и он застыл. Сдерживаемые слезы хлынули потоком, скатываясь по его глазам-мандаринкам, как жемчужные бусины.

— Я... я... — Лин Уюй поднял свое маленькое личико, не в силах выдавить ни слова.

Двое глав пиков взглянули на Бессмертного Почтенного Цюньюй. Увидев, что тот по-прежнему стоит с гордым видом и не выражает намерения препятствовать, они хором ответили:

— Конечно, он хочет!

Вся дальнейшая церемония принятия в ученики прошла для Лин Уюя как в тумане. По приказу Му Сюаньгэ он опустился на колени перед Ци Моюнем.

Ци Моюню было скучно.

Он чувствовал, как жгучие взгляды окружающих не ослабевают ни на миг. Очки симпатии наполнялись волна за волной, он лишь машинально их собирал, а через мгновение они снова

достигали лимита.

Ладно, хватит с них.

После напряженного дня, закончившегося битвой в иллюзии, Ци Моюнь был так измотан, что с трудом держал глаза открытыми. Чтобы взбодриться, он начал тянуть карты. Когда сто карт были вытянуты, Ци Моюнь погрузился в молчание.

— Ха-ха-ха, носитель, ну ты и неудачник, — расхохоталась 996. — Сплошь карты низкого уровня, да еще и одни карты соблазнения!

Ци Моюнь не смирился и включил автоматический режим — он во что бы то ни стало хотел получить карту высокого уровня.

Как раз в этот момент Лин Уюй закончил кланяться и попытался встать. Он был слишком усерден, совершая поклоны, и когда резко поднялся, у него потемнело в глазах, и он повалился вперед.

Ци Моюнь машинально подхватил его.

Стоило ему коснуться Лин Уюя, как удача повернулась к нему лицом.

Карты высокого уровня начали сыпаться одна за другой, и за все это время не выпало ни одной низкоуровневой. 996 была в шоке.

Отпустив Лин Уюя, Ци Моюнь продолжил тянуть — и снова пошли карты низкого уровня.

Он попробовал погладить Лин Уюя по голове, и его глаза ярко блеснули.

Снова пошли карты высокого уровня! Ореол главного героя слишком силен!

Ци Моюнь накопил сотню высокоуровневых карт, собрав все существующие виды. Он решил, что эти карты могут пригодиться ему на все времена.

За исключением того, что принцип «взято у главного героя — применено к главному герою» был немного избыточным.

Впрочем, ничего страшного.

Заклучение Уз Учителя и Ученика официально началось. Бессмертный Почтенный Цюньюй соединил их кровь, превратив ее в нить, которую привязал к их мизинцам.

Лин Уюй растерянно пошевелил мизинцем и увидел, как на пальце Ци Моюня, напоминающем нефрит, остался след от нити. След еще не успел исчезнуть, как сама нить растаяла в воздухе.

Неизвестно почему, но как только нить исчезла, сердце Лин Уюя успокоилось. Он осторожно позвал:

— Учитель.

На этот раз слова слетели с его губ без малейшего препятствия.

Пик Духовных Лекарств.

— Старший брат, почему ты не хочешь вернуться на пост главы Пика Знаменитого Меча? — Му Сюаньгэ ударил ладонью по столу так, что виноградины на серебряном блюде покатались в разные стороны.

Ци Моюнь сидел перед столом, подпирая голову рукой, и дремал, когда его внезапно разбудил шум. Он приподнял веки, и его темные, лишенные блеска глаза обвели комнату. Увидев, что это Му Сюаньгэ, он с грехом пополам подавил раздражение от прерванного сна и снова закрыл глаза.

— Старший брат, — продолжал Му Сюаньгэ, — ты столько лет терпел несправедливость. Теперь, когда твое имя наконец очищено, ты должен забрать все, что тебе полагается. Должность главы Пика Знаменитого Меча по праву принадлежит тебе. Ты можешь вернуться, выбрать из лучших новых учеников себе преемников и вновь прославить свой пик...

На полуслове Му Сюаньгэ прервался — его рот внезапно заткнули.

Бессмертный Почтенный Цюньюй, Владыка Демонов и Лин Уюй, войдя, застали именно эту сцену: Ци Моюнь взял виноградину и скормил ее прямо в рот Му Сюаньгэ.

<http://bllate.org/book/22076/2295637>